

* * *

Толком даже названий не знаю,
Но зачем-то опять и опять
Звёзды в стынущем небе считаю
И никак не могу сосчитать.

Этой хватит для вечного света,
А другая, сверкнув в высоте,
Упадёт на глазах моих в Лету –
Разойдутся круги по воде.

Оглядишься – картина простая:
Слева церковь, а справа погост...
Мне судьбу, как букварик, читает
Ночь в мерцанье задумчивых звёзд.

Он такой у меня бездорожный,
И былой, и оставшийся путь...
Всё другое на свете возможно –
В эту ночь невозможно уснуть.

Мать честная! Как сладко и горько
Пролетает сквозь нас, мимо нас
Миг, который закончился только,
И который начнётся сейчас!

Он как будто нечаянно создан
Тьмой и лёгким ночным сквозняком.
Как далёки, как трепетны звёзды!
Как молчат неизвестно о ком!

БАЛЛАДА О БЕДАХ И РАДОСТЯХ

Случится, что радость далече,
А горе – у самых ворот.
Да, время, наверное, лечит,
Но больно уж долго идёт.

Расстанемся с братом и сыном,
Предательских слёз не пролив;
С соседом и другом старинным
Простимся, обид не простишь.

Простимся, но рядом и вместе
Сойдёмся под смертным огнём,
А, выжив, забытую песню
Опять после боя споём.

За Припять отхлынем, на Волгу,
Но отчей земли не сдадим,
И празднично пушки умолкнут,
Когда мы врага победим.

Да, время, конечно же, лечит,
Когда, свои беды храня,
Друг боль твою примет на плечи,
И хлебом накормит земля;

Когда непроглядные тучи
Отступят с заветных высот,
И всё, что нас ранит и мучит,
Прозрачной водой унесёт.

И места не будет обиде,
И даль распахнётся, чиста,
И мы, как впервые, увидим,
Какая кругом лепота!

Какие красивые люди!
Какая вокруг благодать!..
И мы свои беды забудем.
И беды вернутся опять.

* * *

Вот приехал на родину... Странно –
Мне теперь заграница она.
Я на этой земле окаянной
Веселее знавал времена.

Мне казалось, что здесь я – навеки,
Но гляжу – вроде всё, как всегда:
Вспять ещё не повёрнуты реки,
Да текут неизвестно куда.

Вот – сплошные канавы да ямы
По пути на убогий погост,
Где под глинистым холмиком мама
Отдыхает от пролитых слёз.

Вот – за серой оградой кладбища,
Как последний солдат на посту,
Появляется сумрачный нищий
И бредёт от звезды ко кресту.

И, готовый упасть и заплакать,
Средь заброшенных русских могил
Прохожу я, весьма косолапя,
Как отец мой нетрезвый ходил.

В кой веки приехал дней на пять –
Погощу в загранице моей.
Я бы тоже, наверное, запил,
Но боюсь сделать маме больней.

Ветер листья срывает сухие
С тополей у печальной скамьи.
Подождите, друзья дорогие.
Не спешите, братишки мои.

В небе тучи предзимние дремлют,
И недолго осталось смотреть,
Как прощально на бедную землю
Сыплет осень последнюю медь.

Ветер крыльями времени машет.
Кто там знает – вдруг нас как-нибудь
Соберётся Отечество наше
Медным звоном листвы помянуть.

* * *

Алтайским солнцем грелось лето.
Репейник млел в тени оград.
И дух зелёного ранета
Вдыхал, хмеля, мамин сад.

Повита вечной муравою,
Песочком времени шурша,
За сонной дачною межою
Текла тропа до Иртыша.

Там небо на волнах качалось,
И у прибрежных камышей
В прозрачной заводи купалась
Моя улыбка до ушей.

А на яру за черноталом
Под сводом старых тополей
Звенел любимый голос мамы,
Досмертной радости моей.

То лето где-то затерялось,
Но стало в памяти слышней,
Как мама весело смеялась,
Как я смеялся вместе с ней.

И делом оставалось малым –
Смириться с правдою простой,
Что смех печальным был у мамы,
Что есть на свете смех такой.

У незнакомцев чужедальних
И у соседей за стеной
Я буду слышать смех печальный,
И мне он станет, как родной.

Зато откроется едва ли
Сквозь расстоянья и года,
С чего нигде смешной печали
Я не увижу никогда.

* * *

Беспутье. Бездолье. Забвенье.
Свет памяти нашей угас.
Родные великие тени,
И те отвернулись от нас.

Кобзарь на излуке аральской
О вольной семье не поёт.
Готовясь в поход, Пржевальский
В ОВИР документы сдаёт.

А Гоголь с улыбкою странной
Ложится в раскопанный склеп,
И царский мундир Валиханов
Швыряет в кайсацкую степь.

Аулами стали станицы.
По землям, державным допрежь,
Славутич течёт в загранице,
Яик убежал за рубеж.

О, Красное Солнышко, где ты?
За тем ли, вольны и дружны,
Мы были в заветное лето
Тобою к Днепру сведены?

Как долго в молчанье невольном
Христовые церкви стоят
И ждут звонарей колокольни,
Готовы ударить в набат.

* * *

В окне июнь. Паслён ещё зелёный.
Отец во снах воюет на войне...
Там жизнь и время шли не по айфону.
Там ходики стучали на стене.

В том далеке – чем дальше, тем светлее –
Легко вставала ранняя заря...
В окне июль. Ещё шиповник спеет.
А вот душа – в кануне ноября.

Ни просьб, ни ожиданий, ни желаний.
Звонков ни от кого и никому.
А за окном косые тени зданий
Вечернюю сгущают получьму.

А привозная прима в «Мариинке»
Торопится дотанцевать Кармен.
А мир устал от перемен великих,
Но снова ждёт великих перемен.

И всё куда-то движется незримо.
И все туда спешат и не спешат.
И всё понятно, но необъяснимо,
Чем сможет успокоиться душа.

А город за окном шумит привычно,
Открыт для всех родных и не родных.
И всё неповторимо, но обычно
В делах людских и судьбах мировых.

И жизнь идёт и что-то обещает,
Хоть никаких гарантий не даёт.
И кажется, что вечер нескончаем.
Но это заблуждение пройдёт.

И вспомнится далёкий от печали
Отцовский дом в рассветной тишине,
Когда казалось: всё ещё в начале,
А ходики стучали на стене.

* * *

Здесь ли июнь травы мягкие нежил?
Тонет в снегу колея.
Солнцем забыт, небесами отвержен,
Выюжным просёлком, тоской непроезжей
Тянется путь февраля.

Зимняя непогода, будь ты неладна!
Холод, пурга, снеголёт...
Полноте, так ли зима безотрадна?
Что там, на дикой лозе виноградной,
Птичка-синичка поёт?

А не поёт – запоёт, коль дождётся
После смурной кутерьмы
В соснах хрустально-морозного звонца
И возвращенья знакомого солнца
В небо притихшей зимы.

А запоёт – и сосед, и соседка
Дружно подхватят, и вот:
В заячий хвостик прицелившись метко,
Мягкий снежок с покачнувшейся ветки
В тёплый сугроб упадёт.

Тот-то от страха взовьётся зайчишка
И по кустам сиганёт!

И, пропадая, уже не услышит,
Что там вдогонку всё тише и тише
Птичка-синичка поёт...

ЭТЮД

Закат горел над морем вполнакала,
Полсолнца отпустив за горизонт,
На опустевших пляжах и причалах
Закончив отопительный сезон.

Прижались к сухе скалы-истуканы,
Сбежала осень к придорожным рвам,
И разлетелись нехотя бакланы
По дальним и не дальним островам.

Вода текла, и коромысло гнулось,
И А и Б сидели на трубе,
И время так томительно тянулось,
Как будто позабыло о себе.

А мудрый ворон в роще полусонной,
Ссугнувшись, глядел издалека,
Как зябко на ветру дрожали волны,
Как холодно дымились облака.

И с давней грустью думал ворон старый –
Ему проникнуть в тайну не дано:
Зачем остатком летнего загара
Художник разукрасил полотно?

* * *

И хорошо бы вновь вернуться,
Да и большого горя нет
В том, что дороги не сойдутся
Со всем, на чём сошёлся свет,

С чем в добрых, но иных пределах
Сквозь расстоянья и года
Душа и плакала, и пела,
Не разлучаясь никогда.

Не видно берега родного,
Но снова, как трава весной,
Из памяти живей живого
Он вырастает предо мной.

Мой тихий сад, приют мой давний
В лучах проснувшегося дня –
На окнах растворяет ставни
Мой свет, сторонушка моя.

Сейчас весёлая кибитка
Подкатит, полная родни,
И скрипнет старая калитка –
Ты только руку протяни.

И зашумит волна речная
О том, как берег мой живёт,
Чьих возвращений ожидает,
Кого уже давно не ждёт.

И песни вольные польются
Опять по саду моему...
И хорошо бы вновь вернуться,
Да что там делать одному,

Когда лишь тоненькою ниткой
Подшита память узелком:
Поёт мой дом, скрипит калитка,
Стоит кибитка под окном.

